

(в особые помещения)» (ук. соч., стр. 71). В тексте, который приводит Э. Эркес, иероглиф «фу» (№ 3081), означающий «пленник», ошибочно заменен другим иероглифом. На основании этого искаженного текста Э. Эркес, возражая против перевода Т. В. Степугиной, говорит, что неизвестно, идет ли здесь речь о военнопленных, или о ком-нибудь другом (стр. 8).

Дальнейшая полемика Э. Эркеса с Т. В. Степугиной сводится в основном к разногласиям в толковании иероглифа «чэнь» (№ 834). Т. В. Степугина, как и многие другие исследователи, изучавшие этот вопрос¹, считают, что в эпоху Инь этот иероглиф обозначал раба. Э. Эркес же переводит его «чиновник» (Beamte). Только незнанием с трудами ученых, занимавшихся исследованием надписей на гадательных костях и на бронзе (Ван Го-вэй, Го Мо-жо, Ло Чжэнь-юй, Бунаков, Фань Вэнь-лань), можно объяснить то, что Э. Эркес приписывает иероглифу, относящемуся к эпохе Инь, значение, которое он имеет в современной иероглифике.

Неправильный путь, по которому идет Э. Эркес в исследовании проблемы рабовладения в Китае, объясняется прежде всего его ошибочными методологическими позициями. К сожалению, он еще не освободился от влияния буржуазных синологов, считающих Китай страной «застоя и неподвижности». Очевидно, что при разрешении проблемы рабства в Китае нужно исходить не из этих антинаучных взглядов, а из единственно научного метода исторического материализма, разработанного в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Для того чтобы поставить свое исследование на более прочную основу, Э. Эркесу следовало бы расширить узкий круг привлеченных им источников. В основном автор пользуется данными Чжоу-ли, изредка привлекая Шу-цзин, Ши-цзин и Лунь-юй. Для решения сложнейшего комплекса вопросов, связанных с проблемой рабовладения в Китае, автору нужно было бы взяться за исследование надписей на костях и на бронзе и привлечь как монументальный труд Сыма Цяня, так и династийные истории. Автору необходимо, наконец, изучить посвященные этому вопросу новейшие труды историков Китайской Народной Республики и советских историков-китаистов. Все это поможет Э. Эркесу осветить по-новому проблему рабовладения в Китае.

В. Рубин

РАБОТЫ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ ПО ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ (1949—1952 гг.)

Обзор трудов по древней истории, вышедших в Польше после второй мировой войны, все еще свидетельствует о недостатках в польской исторической науке, унаследованных от довоенного периода. Все же и в этой области намечается уже перелом. До войны в Польше существовали довольно сильные коллективы специалистов по классической филологии; историков древнего мира было значительно меньше, чем филологов. Количественный перевес филологов, в основном же отсутствие правильного методологического подхода отрицательно отразились на характере большинства исторических работ по древней истории, изданных до 1939 г. Исторические исследования в области античности в большинстве случаев писались под сильным воздействием филологического подхода, в духе традиционной классической филологии; эти исследования характеризовались мелочным анализом источников и ограничивались изучением литературных влияний без должного учета социально-экономических факторов. Особенно сильно в польской историографии ощущалась нехватка обобщающих монографий.

¹ См. Го Мо-жо, Ши пипань шу, стр. 41; Хоу Вай-лу, Чжунго гудай шахой ши (История древнекитайского общества), стр. 38.

За годы 1939—1945 значительно уменьшились и так уже немногочисленные кадры историков древности. Большая часть зрелых научных работников в этой области и большинство молодых ученых погибли во время войны; достаточно упомянуть, что во всей Польше только одна кафедра древней истории сохранилась в старом составе. Поэтому нет ничего удивительного, что и в журнальных статьях и в отдельных книгах, изданных в первые послевоенные годы, мы можем заметить те же черты, какие характеризовали эту область исторической науки в довоенный период; их характеризует исключительно филологическая тематика и отсутствие нового методологического подхода к изучаемым проблемам.

Переходя к подробной характеристике польских работ по древней истории, изданных после второй мировой войны, я должна оговорить, что, согласно желанию редакции ВДИ, ограничусь данными за последние три года; одновременно хотелось бы отметить, что этот обзор не охватывает работ в области истории материальной культуры, подробно освещенных в обзоре проф. К. Маевского¹; не будут в нем упомянуты также чисто филологические исследования.

Слабость кадров по древней истории проявилась после войны уже хотя бы в том факте, что в Польше не был создан ни один журнал, тематика которого была бы посвящена специально древней истории. Существующие в настоящее время журналы, занимающиеся древней историей, это либо филологические, либо археологические, либо, наконец, папирологические издания, которые только от случая к случаю помещают исследования по собственно историческим проблемам.

К журналам этого рода принадлежат: выходящий четыре раза в год «Э о с» (Eos) — орган Польского филологического общества (Вроцлав); «М е а н д р» (Meander) — ежемесячник, посвященный популяризации античной культуры (Варшава); «Ж у р н а л ю р и д и ч е с к о й п а п и р о л о г и и» (Journal of Juristic Papyrology), — посвященный вопросам папирологии и только частично печатающий работы польских ученых (Варшава) и, наконец, «А р х е о л о г и я» (Archeologia). О последнем журнале более подробно сообщал в своем обзоре проф. Маевский; все же здесь целесообразно указать и на этот журнал, так как он посвящает относительно много места общеисторической проблематике, даже не связанной непосредственно с памятниками материальной культуры. Наконец, работы по древней истории печатаются также на страницах общеевропейских журналов, прежде всего «И с т о р и ч е с к о г о о б о з р е н и я» (Przegląd Historyczny).

За последние три года появились четыре выпуска «Эоса» (том XLIII, вып. 1, 2, и том XLVI, вып. 1, 2). Основная масса работ в этом журнале состоит из статей, посвященных вопросам критики текста, филиации отдельных традиций и т. д.; к ним принадлежат, например, работы проф. Т. С и н к о, De Lycophronis tragici carmine Sibyllino; проф. В. К л и н г е р а, De Archilochi fragmento papyraceo (76, D, 2) eiusque exordio nondum recognito; проф. С. С р е б р н о г о, Quaestiunculae comicae и многие другие, как, например, работы проф. Стефена, Стржелецкого и т. д. Указанные работы дают много важных частных данных, которые, несомненно, окажут большую пользу и историку, использующему те же тексты, хотя и с иной точки зрения, чем филолог. Тем не менее в общем и целом в журнале заметно отсутствие плановости в работе редакции, отсутствие работ на более широкие темы, наряду с несомненно важными исследованиями по частным вопросам; наконец, что самое важное, нехватает новой тематики — поисков данных о жизни трудящихся масс древности, вскрытия связей литературы с ее социально-экономическим базисом, определения ее классового характера и т. д.; правда, некоторые элементы нового подхода уже заметны в отдельных статьях, например, в работе В. К л и н г е р а о поэзии Каллимаха из Кирены (т. XLIII, вып. 2).

Аналогичные критические замечания можно сделать и по адресу немногочисленных статей «Эоса», посвященных собственно-историческим проблемам. К статьям, затрагивающим историческую проблематику, относятся следующие работы: Ф. С о

¹ К. Маевский, ВДИ, 1952, № 4, стр. 92 слл.

к о л о в с к и й, A propos d'un règlement du culte de Paiania; Э. Г и н т о в т, Le changement du caractère de la tribus romaine, attribué à Appius Claudius Caecus (т. XLIII, вып. 1); А. Х о д з к о - Д о м а н е в с к а я, Проблема дельфийского Омфала (на польском языке), в которой автор указывает на связь Омфала с доаполлоновыми культурами; Ю. Д з е х а, Graeci unde Indos cognoverint (т. XLIII, вып. 1); о н ж е, De Graecis Brahmanum aestimatoribus (т. XLIV, вып. 1) и Ю. В и к а р и а к, По поводу сатировой драмы «Agon» (на польском языке — т. XLIV, вып. 2).

Значительным недостатком журнала следует считать относительно небольшой отдел рецензий, к стати сказать, несколько лучше поставленный в последнем выпуске, а также отсутствие зарубежной научной хроники.

Последний съезд Польского филологического общества в связи с перестройкой всей польской науки поставил перед филологами-классиками новые задачи. Об изменениях, происходящих в области классической филологии, дают яркое представление два прочитанных на этом съезде доклада. Первым из них был доклад зам.-председателя Польского филологического общества проф. К. К у м а н е ц к о г о «Фукидид на фоне эпохи» (Meander, VI, 5—6, 1951). Второй доклад «Реализм в античной литературе» прочел профессор Вроцлавского университета Б. Б и л и н с к и й (Meander, VI, 7, 1951). К. Куманецкий попытался по-новому оценить творчество выдающегося древне-греческого историка, найти социальные связи и определить условия его творчества; этот доклад был характерным проявлением поисков новых путей в польской классической филологии. Доклад Б. Билиньского представлял собой попытку сформулировать программу работ филологического общества. Б. Билиньский был уже раньше известен как прогрессивный филолог, между прочим, и по его исключительно интересной статье во втором томе «Археологии» (1948) «Гесиодовский взгляд на древность». В этой статье он, выступая против «музейной точки зрения на древность», призывал искать в античной литературе проявления труда простых людей, как свободных, так и рабов, изучать жизнь тех, которые своим молчаливым трудом создали предпосылки классической культуры.

О переломе, наметившемся среди польских филологов-классиков, свидетельствует то, что разработка программного доклада была доверена молодому исследователю, стремящемуся применить методы марксизма в своей работе. В этом докладе проф. Билиньский обратил внимание на подлинно реалистическое течение в античной литературе. Реализм в древности состоял не в точном воспроизведении бытовых подробностей, а в отражении подлинного содержания истории античности — противоречий, нарастающих внутри рабовладельческого общества. На ряде примеров докладчик показал необходимость изучения литературы в связи с общественной жизнью, необходимость показа ее классового характера и значения. Он призывал к тому, чтобы изучать в античности ее прогрессивные, существенные и важные ценности и не терять ся среди второстепенных мелочей.

Будем надеяться, что на этот путь вступит теперь вся польская классическая филология и что переход на правильные идейные позиции отразится также и на содержании центрального филологического журнала «Эос». Многие работы, которые публиковались в этом журнале, отличались до настоящего времени выбором второстепенных тем, а иногда и явно идеалистическими выводами.

Вторым журналом, имеющим до сих пор все еще узко филологический облик, является «Меандр» (Meander), хотя он и носит подзаголовок «журнал, посвященный культуре древнего мира». В принципе этот журнал должен был в корне отличаться от «Эоса». Если «Эос» был рассчитан на специалистов, причем большинство статей публиковалось в нем на латинском и других иностранных языках, то «Меандр» должен был служить делу широкой популяризации научных знаний об античности. В первые годы своего существования, начиная с 1946 г., «Меандр» часто терял свой популярный характер, помещая иногда чересчур специальные статьи, мало интересующие широкого читателя. Еще хуже было то, что «Меандр», как и «Эос», посвящал большинство своих статей только частным вопросам, занимаясь, в основном, явлениями надстройки и не обращая должного внимания на социальные движения, вопросы труда и связь

надстройки с базисом. Слишком сильно давило на «Меандр» наследие идеалистической филологии довоенного периода и ее ошибочные методологические установки: эти пороки «Меандра» имели тем большее значение, что журнал рассчитан на широкого читателя, прежде всего на учителей и учеников средних школ. Причиной этого было слабое участие в журнале более молодых научных кадров, которые не включились достаточно активно в работу по популяризации античности.

Вот почему даже в некоторых статьях, затрагивающих существенные проблемы истории античности и пытающихся, судя по заглавиям, вскрыть социальное содержание античной культуры, можно было найти установки, вызывающие весьма серьезные сомнения как с точки зрения методологии, так и со стороны фактического материала. К такого рода работам принадлежит, например, статья Ю. Л о с я «Марий и Сулла» (IV, 1949), в которой автор пытался идеализировать Суллу и полностью осудить Мария. Г у м о в с к и й в статье «Конец древнего мира» (IV, 5—6) возвратился к старой дискуссии по вопросу о конце античности и защищал тезис Пиренна о «цеауре» во время нашествия арабов, совершенно не учитывая основного критерия — изменений в производственных отношениях. Статья Ю. В и с л о ц к о г о «Юридическое положение рабов у некоторых народов древнего Востока» (IV, 1—2, 3, 1949) и в некоторых греческих и эллинистических обществах, а также в финикийском и карфагенском законодательстве» (V, 2, 3—4, 1950) была составлена с чисто описательной точки зрения, вне связи с жизнью тех обществ, в среде которых возникли те или иные юридические памятники, причем не было обращено должного внимания на подлинное значение и содержание анализируемых памятников.

Учитывая, что большинство статей «Меандра» носит популярный характер, мы не будем здесь касаться более подробно их содержания, однако необходимо отметить, что именно за последние годы и в статьях «Меандра» заметен поворот к новой тематике с более правильных методологических позиций. Здесь достаточно указать на небольшую статью Ю. Ш н а й д е р а «Забятая сторона римской истории» (V, 1, 1951), в которой обращается внимание на сопротивление Риму со стороны покоренных народов; правда, автор касается только тех проявлений антиримских настроений покоренных римлянами народов, которые находят свое отражение в литературе и филологии. Чаще стали появляться в «Меандре» и статьи по вопросам труда, хотя в основном они касаются только техники производства. Среди статей этого рода можно указать на работы М и х а л о в с к о г о «Горное дело в древней Греции» (IV, 8, 1949) и «Металлургия в древней Греции» (IV, 9, 1949), Л. В и н н и ч у к «Хлеб у древних греков и римлян» (V, 5, 1951). В том же 1951 г. были опубликованы в «Меандре» вышеуказанные статьи Куманецкого и Билиевского, а также перевод статьи Меймана «Экономические основы общества рабовладельческой формации» (VI, 5—6, 1951)¹.

В последних выпусках за 1951 г. (8—9 и 10) печаталась статья М. Я ч и н о в - е к о й «Развитие ремесла в свете оксиринских папирусов». Автор статьи, начинающий ученый, пользуется марксистской методологией и рассматривает ремесло в Оксиринхе на широком фоне социально-экономических отношений в Египте; она посвятила довольно много внимания вопросам рабочей силы, условий труда, угнетения трудящихся, классового характера ремесла и т. д.

Начиная с 1949 г. (IV, 1, 2, 4), «Меандр» стал периодически публиковать сообщения об изучении античности в СССР и странах народной демократии. Содержание «Меандра» за последние годы отчетливо свидетельствует о том, что редакция журнала, имеющая столь выдающиеся заслуги в работе по популяризации античности в наиболее трудный период восстановления Польши, не удовлетворяется достигнутыми результатами. Она все более интенсивно привлекает в состав своего авторского коллектива молодых специалистов по истории античности и, таким образом, планомерно меняет профиль журнала.

Третьим журналом, посвященным античной тематике, является *Journal of Juristic Papyrology*. Этот журнал, как указывает его название, посвящен изучению юриди-

¹ См. «Преподавание истории в школе», 1950, № 1.

ческих папирусов; однако его тематика значительно шире, чем можно судить по названию. В нем печатаются статьи не только из области права и администрации, но и из области литературы, как например, статья A. S w i d e r e k, *La structure des Aitia de Callimaque à la lumière des nouvelles découvertes papyrologiques* (V, 1951), и исчерпывающие периодические обзоры изданий папирусов и литературы по папирологии и истории Египта соответствующих периодов. Эти обзоры проф. Р. Таубеншлага широко учитывают литературу СССР (например, III, 1949), стран народной демократии и капиталистических государств. Журнал отличается исключительным богатством содержания как в области публикации и интерпретации текстов¹, так и в области государственно-юридической проблематики Египта². Большим преимуществом этого журнала является участие в нем совсем молодых научных сил (Моджеевский), наряду со столь заслуженными представителями этой области знания, как проф. Таубеншлаг. К сожалению, наряду с необычной скрупулезностью и исчерпывающим освещением источников, в статьях, публикуемых в этом журнале, слишком слабо связывается государственно-правовая тематика с современной ей социальной средой.

В общеисторических журналах, в отличие от первых послевоенных лет, за последнее время исключительно редко появляются статьи по древней истории. Это объясняется частично существованием специальных журналов, хотя и неисторических, но все же связанных с античностью, частично же завершением публикации работ, подготовленных во время войны. Новые труды немногочисленных историков древности находятся пока в подготовительной стадии.

Последней статьей по древней истории, опубликованной в «Историческом обозрении» (XL, 1950), была моя работа «История римского государственного строя в оценке Эдзислава Змигридера-Конопки». В этой статье были собраны результаты многочисленных мелких работ умершего во время войны ученого и ставилась задача дать по крайней мере общий очерк того синтеза, к которому стремился Змигридер в своих аналитических исследованиях и которого сам он не успел написать. Общий обзор научных достижений Змигридера в рамках одной статьи был полезным, однако принципиальной ошибкой моей статьи следует считать отсутствие критики тезисов Змигридера с методологической точки зрения, с точки зрения достижений современной науки. Я должна была дать анализ творчества этого прогрессивного ученого междувоенного периода и четко указать, какие его тезисы считаю правильными. Так, например, несомненно убедительно положение Змигридера о зависимости числа центурий в отдельных классах, согласно реформе Сервия Туллия, от размеров их земельных владений (*centuria agri*); однако невозможно отстаивать его теорию перехода от республики к принципату, так как он объясняет этот переход исключительно политическим кризисом государственного строя, не подчеркивая социальной основы перехода.

Статьи и рецензии по вопросам древней истории от случая к случаю помещаются и в других исторических и общих журналах, как например, *Myśl Współczesna*, *Życie Nauki*, *Slavia Antiqua*, *Przegląd Zachodni*. В последних двух журналах печатаются только статьи по древней истории славянских земель.

Перейдем теперь к книжным изданиям. Здесь прежде всего надлежит напомнить о существовании серии изданий, посвященных проблемам классической древности. К ним принадлежат издаваемые Польским филологическим обществом *Eus Supplementa*, в которые входят в основном работы филологического характера, «Библиотека Меандра», «Популярная библиотечка Меандра» и *Auctarium Meandreum*. В первой

¹ J. M a n t e u f f e l, *Quelques textes provenants d'Edfou*, III, 1949; A. S w i d e r e k, *Les étiquettes des momies de la collection de Varsovie*, III, 1949; R. T a u b e n s c h l a g, *Papyri and Parchements from the Eastern Provinces of the Roman Empire outside Egypt*, III, 1949.

² R. T a u b e n s c h l a g, *Γενμητογραφία in Greco-Roman Egypt*, IV, 1950; о н ж е, *Authorities and the Local Law in Egypt before and after Constitutio Antoniniana*, V, 1951; о н ж е, *The Provisional Legal Protection in the Papyri*, V, 1951; I. M o d z e j e w s k i, *The πρόσταγμα in the Papyri*, V, 1951.

из указанных серий за отчетный период из работ исторического характера была напечатана моя работа «Из вопросов рабства эллинистического периода», состоящая из трех очерков: 1. Источники поступления рабов в эллинистическое время. 2. Труд и жизнь рабов и 3. Способность рабов к самостоятельным действиям в свете законодательства и жизненного опыта¹. В этой работе, затрагивающей столь важные вопросы, уделяется слишком мало места роли трудов классиков марксизма в правильной постановке проблемы рабовладения.

В издании *Acta Societatis Archaeologicae Polonorum* в 1949 г. появилась работа S. G a n s i n i e s, Tarpeia. The Making of a Myth, в которой автор на основе анализа литературной традиции, нумизматических памятников, религиозных обрядов и т. д., связанных с мифом о Тарпее, доказывает, что этот миф возник только в III в. до н. э. и что его возникновение было связано с попыткой объяснения *troraem*, находящегося на Капитолии.

«Библиотека Меандра», так же как и «Популярная библиотечка Меандра», ставит перед собой задачи распространения научно-популярных знаний о древности. Они играют очень большую роль в деле распространения научных знаний о древности, издавая работы по истории техники и истории литературы. Следует специально отметить, что они посвящают много места переводам. Несколько иной характер носит *Auctarium Meandream*, которое начало свою работу изданием «Риторика Каллимаха» проф. Куманецкого².

Кроме вышеуказанных журналов и изданий, специально посвященных античной тематике, отчеты о работах в этой области за 1949—1951 гг. можно найти в SPAU, PTPN, TNW, а рецензии также и в других журналах, как *Rocznik dziejów gospodarczych i społecznych* (Познань), *Przegląd nauk historycznych i społecznych* (Лодзь).

Особый интерес вызывает исследование свидетельств античных источников о славянских землях. После нескольких изданных еще до 1949 г. статей Билинского в *Archeologii* и «Eos»³ с работой по этому вопросу выступил также Л. Пиотрович «Готы и гепиды на нижней Висле и их передвижение к Черному морю и Дакии» (*Przegląd Zachodni*, VII, 5—6, 1951). В этом же номере журнала помещен ряд статей эдиевистов, археологов, языковедов по тем же вопросам. Наконец, в прошлом году появилась капитальная книга проф. К. Т ы м е н е ц к о г о «Польские земли в древности»⁴. В этом труде подведены итоги многолетним исследованиям автора по вопросу о возникновении Польского государства. Работа К. Тыменецкого рассчитана на несколько томов; в первом томе учтены данные от древнейших времен до падения Римской империи включительно. Выводы автора основаны на громадном количестве археологических и филологических данных; он использует все доступные нам письменные источники.

Важным фактом является издание перевода «Истории древнего Рима» Н. А. Машкина (Варшава, 1951). Готовится к изданию перевод «Истории древней Греции» В. С. Сергеева. В последнее время появились три серьезных труда в области культуры. В 1949 г. проф. Ю. С а й д а к опубликовал работу о Тертуллиане под названием «Квинт Септим Флорент Тертуллиан. Время — жизнь — произведения»⁵. В 1950 г. появилась работа Ю. К о в а л ь с к о г о «Развитие греческой цивилизации»⁶; автор дает не столько систематическую историю греческой культуры, как собрание очерков по отдельным проблемам греческой культуры. В 1951 г. появилась первая часть третьего тома «Греческой литературы во время римской империи» проф.

¹ I. B i e ż u Ń s k a - M a ł o w i s t, *Z zagadnień niewolnictwa okresu Hellenistycznego*, Wrocław, 1949.

² *Philippi Callimachi Rhetorica*, edidit Kumaniecki, Varsaviae, 1950.

³ К. Т ы м и е н е ц к и, *Ziemia polskie w starożytności*, Poznań, 1951, 834 стр.

⁴ J. S a j d a k, *Quintus Septimus Florens Tertullianus. Czasy — życie — dzieła*, 1949.

⁵ I. K o w a l s k i, *Rozwój cywilizacji greckiej*, 1950.

Ф. С и н к о¹. Этот том, так же как и предыдущие, должен быть включен в качестве необходимого пособия в состав библиотеки каждого польского научного работника в области древней истории; он, как и предыдущие части этого труда, отличается богатством содержания и исчерпывающей библиографией. Книга Ф. Синко была удостоена в 1953 г. государственной премии первой степени. Однако наравне с указанной книгой Ю. Сайдака и эта работа относится к произведениям старой филологической школы.

В недавно изданной книге в честь Ф. Синко² среди многих филологических трудов имеется несколько работ исторического содержания. Проф. Л. П и о т р о в и ч в статье «Le prétendu testament du roi Ptolomé X Alexandre II» путем обстоятельного анализа источников доказывает отсутствие соответствующего завещания, передающего Египет Риму. Т. З а в а д с к и й в статье «La date de l'inscription de Mnesimachos» датирует указанную надпись последней четвертью III в. до н. э. Наконец, с исторической проблематикой связаны статьи Л. Т. Б л а щ и к а «In Sallustii Epistulas ad Caesarem observationes aliquot» и Ю. Вольского «Les études sur le texte de Strabon».

В трудах Исторического института Варшавского университета (V том) в 1952 г. появилась моя работа «Взгляды nobilitas времени Нерона и их социально-экономическая основа»³, в которой указывается на связь взглядов Сенеки, Лукана и Персия с социально-экономическим положением старой римской аристократии.

В общем и целом мы должны констатировать наличие в Польше сильного научного коллектива исследователей античности, однако с решительным преобладанием классической филологии над относительно слабой еще древней историей. Изучение истории античности и наиболее с ней связанных отраслей знания ведется в Кракове, Варшаве и Вроцлаве. Краковский и Вроцлавский центры концентрируют свои научные интересы на изучении славянских и особенно польских земель в древности. При этом используются преимущественно памятники материальной культуры (проф. К. Маевский) и литературные памятники древности (проф. Б. Билиньский, проф. Л. Пиотрович). Более молодые сотрудники Краковского центра также изучают проблематику территорий, покоренных Римом (Т. Завадский).

К этим исследователям примыкает связанная с медиевистикой группа познанских историков, наиболее крупным представителем которой является заслуженный ученый проф. К. Тыменецкий. Единственный в Познани историк древности доц. Р. Кнаповский занимается изучением денежной системы в древности.

В Варшаве на первом месте в научных исследованиях находится Институт папирологии Варшавского университета, руководимый проф. Р. Таубеншлагом при участии проф. Ю. Мантейфеля. Этот институт может гордиться таким достижением как вышеупомянутый Journal of Juristic Papyrology. Сам проф. Р. Таубеншлаг ведет кипучую научную деятельность, выражением которой являются — не считая опубликованного в 1948 г. второго тома The Law of Graeco-Roman Egypt — многочисленные статьи в польских и иностранных журналах по вопросам античного права. Эти статьи часто связаны с исторической тематикой⁴. В Институте папирологии обучаются молодые сотрудники, о которых упоминалось выше в связи с характеристикой издаваемого институтом журнала. Кроме того, в Историческом институте

¹ T. S i n k o, Literatura grecka za cesarstwa rzymskiego (I—III w. n. e.), 616 стр., Краков, 1951. Первый том этой книги вышел в 1931/32 гг., второй том в 1947/48 гг.

² Charisteria Thaddaeo Sinko, Warszawa — Wrocław, 1951.

³ I. B i e ż u ń s k a = M a ł o w i s t, Poglądy nobilitas okresu Nerona i ich podłoże gospodarczo-społeczne, 135 стр.

⁴ «Mił domowy w grecko-rzymskim Egipcie», Czasopismo Prawno-Historyczne, III, 1951 = Archiv Orientalni, XVIII; Selfhelp in Greco-Roman Egypt», Archives d'histoire du droit oriental, IV, 1949; «The Herald in the Law of the Papyri», ibid., V, 1950; «The Legal Profession in Greco-Roman Egypt», Festschrift Fritz Schulz, Weimar, 1951; «Period and Terms in Greco-Roman Egypt», Atti del Congresso Internazionale di diritto Romano e di Storia del Diritto, XIV.

Варшавского университета формируется группа специалистов, изучающих социальные и частично экономические вопросы античности (проф. И. Бежуньская-Маловист, М. Ячиновская).

Значительным пробелом в изучении древней истории в Польше следует считать полное отсутствие исследователей истории древнего Востока.

Из нашего обзора следует, что среди многочисленных работ по вопросам античности можно заметить в последние годы начало методологического перелома. Об этом свидетельствует постепенное изменение научных интересов и тематики, а также появление трудов, исходящих из марксистской методологии и пытающихся оценить изучаемые явления с точки зрения исторического материализма.

И. Бежуньская-Маловист
(Варшавский университет)

Art égyptien. Texte d'Etienne Drioton, Photographies d'Etienne Sved, P., 1950.

Названная работа, быть может, и не заслуживала бы специальной рецензии, если бы она не характеризовала собою целое направление в изучении художественной культуры древнего Востока, очень показательное для современной западноевропейской буржуазной науки. Книга содержит 152 иллюстрации с наиболее известных памятников древнеегипетской архитектуры и изобразительного искусства. Текст Дриотона ограничивается лишь краткой справкой о задачах книги и далее сводится к пояснению фотографий памятников египетского искусства, заснятых неким Сведом. Таким образом, своеобразную картину сложения египетского искусства дает не столько краткий поясняющий текст, сколько сами фотографии. На это указывает и Дриотон, заявив, что он лишь пытается прокомментировать представленные ему снимки, содержащие подлинную жизнь египетского искусства. «Надо предоставить говорить вещам самим за себя,— извлечь урок из искусства на основе этих памятников».

Задача не нова. В двадцатых годах книгам подобного типа (правда, с разными вариациями) положил начало уже Ж. Капар, который в кратких аннотациях к таблицам мимоходом излагал свою концепцию развития египетского искусства¹. Снимок с памятника — иллюстрация играет в научном исследовании огромную, в ряде случаев решающую роль для правильной атрибуции памятника, для художественного, больше того — исторического его осмысления. Я не касаюсь сопутствующего текста Капара, страдающего крупными недостатками и характерной для него парадоксальностью. Однако искусство фотографии имеет лишь тогда познавательную ценность, когда оно верно передает памятник, без субъективного его искажения, без модернизации.

Именно этими последними недостатками, доведенными до предела, и характеризуется разбираемая книга. Черное без оттенков небо, черная без отметки тень на колоннах храмов, особенно разительные по сравнению с белыми, «пустыми» местами, освещенными солнцем, фрагменты скульптуры, взятой в самых невероятных ракурсах,— вот те впечатления, которые мы получаем от первого ознакомления с иллюстрациями книги. При дальнейшем, более внимательном рассмотрении репродукций это впечатление ярко выраженного формализма, ничем не оправдываемого эстетства, большого привкуса экзотики все более увеличивается. Совершенно ясно, что иллюстрации отучают видеть египетское искусство, они лишены какой бы то ни было объективности, познавательной ценности, а следовательно, историчности, единственно верно позволяющей отвести египетскому искусству его место в общем процессе развития древневосточной культуры.

Утеря специфики египетской архитектуры, подмененная впечатлением экзотичности, наблюдается уже в начале — на образце фотографии комплекса пирамид в Гизе

¹ J. Capart, Documents pour servir à l'étude de l'art égyptien, Bruxelles, I—1927, II — 1931.